

КИНОПРЕМЬЕРА МИРОВОГО МАСШТАБА

ДЖЕФФ ВАНДЕРМЕЕР

АССИМИЛЯЦИЯ

Москва
2018

УДК 821.111-312.4(73)
ББК 84(7Coe)-44
В17

Jeff VanderMeer
ACCEPTANCE

© 2014 by VanderMeer Creative, Inc. Published by arrangement
with Farrar, Straus and Giroux, LLC, New York.

Художественное оформление *Андрея Саукова*

Иллюстрация на суперобложке *Вячеслава Коробейникова*

Вандермеер, Джефф.

В17   Ассимиляция / Джефф Вандермеер ; [пер. с англ.
Н. В. Рейн]. — Москва : Издательство «Э», 2018. —
352 с. — (Кинопреьера мирового масштаба).

ISBN 978-5-04-092782-1

Тридцать лет изучения таинственной Зоны Икс так и не принесли плодов. Отправляемые туда экспедиции в лучшем случае возвращаются с пустыми руками — а чаще не возвращаются вовсе. Тайная правительственная организация, призванная раскрыть секреты Зоны, топчется на месте, а сотрудники то ли тихо сходят с ума от безнадежности, то ли сами неуловимо и жутко меняются под ее влиянием. Теперь Зона Икс перешла в наступление, и людям нечего ей противопоставить. В заключительном томе трилогии о Зоне Икс раскрываются тайны прошлого и настоящего, чтобы найти ответ на вопрос: есть ли у планеты Земля будущее?

УДК 821.111-312.4(73)
ББК 84(7Coe)-44

ISBN 978-5-04-092782-1

© Рейн Н. В., перевод на русский
язык, 2014

© Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательство «Э», 2018

ОООХ: ДИРЕКТРИСА, ДВЕНАДЦАТАЯ ЭКСПЕДИЦИЯ

Недоступные, недостижимые: рокот прибоя, приливы и отливы, острый запах моря, крестообразные силуэты чаек, их внезапные резкие крики. Обычный день в Зоне Икс, нет, совершенно необычный — день твоей смерти, — и ты сидишь, привалившись спиной к куче песка, наполовину в тени крошащейся стены. Теплое солнце греет лицо, и ошеломляющий вид над маяком, смутные очертания которого теряются в собственной тени. Интенсивность цвета неба просто поразительная — кажется, что за пределами этой пронзительной голубизны просто не может ничего существовать. Мелкие песчинки липнут к ране на лбу, а во рту какой-то предмет с резким неприятным привкусом, и еще из него *что-то* капает.

Ты вся ослабла, тело онемело, ты чувствуешь себя разбитой и при этом испытываешь некое странное облегчение, смешанное с горечью: пройти столь долгий путь, чтобы остаться здесь, не зная, как все обернется дальше, и все же понимая — здесь ты наконец *упокоишься*. Теперь ты отдохнешь. Наконец-то. Все осталось позади — все твои планы в Южном пределе, изнурительный, выматывающий душу страх провала или даже того хуже, цена, которую... впрочем, не важно, теперь все это вытекает на песок, просачивается в него мелкими красными жемчужными капельками.

Пейзаж надвигается на тебя, наваливается откуда-то сзади и пялится прямо в лицо, весь какой-то рваный, потом начинает кружить, потом уменьшается до размера булавочной головки, а затем вдруг попадает в фокус. И со слухом тоже творится что-то неладное — не такой, как прежде, ослаб вместе с тобой. Но, однако, при этом же происходит нечто невероятное: словно по мановению волшебной палочки откуда-то из глубины подвижного пейзажа доносится голос, и он обращен прямо к тебе. И шепот кажется таким знакомым: «Твой дом цел, в порядке?» Но ты думаешь: тот, кто это спрашивает, чужак, незнакомец, и игнорируешь этот голос, словно неожиданный стук в дверь.

Пульсирующая боль в плече после столкновения в башне куда как хуже. Эта рана выдает тебя, делает такой заметной в ослепительно голубом пространстве — несмотря на то что ты этого вовсе не хочешь. Есть какая-то связь, какая-то причинность между раной и пламенем, язычки которого танцуют над камышами и отмечают твоё присутствие. Твой дом редко бывал в таком беспорядке, и тем не менее ты понимаешь: что бы ни произошло в ближайшие несколько минут, что-то еще да останется. Исчезнуть, раствориться в небе, земле, воде — это еще не гарантия смерти здесь.

С тенью, отбрасываемой маяком, сливается еще чья-то тень.

Вскоре слышится хруст подошв по песку, и, совершенно дезориентированная, ты кричишь: «Аннигиляция! Аннигиляция!» — и судорожно бьешься и дергаешься до тех пор, пока эта невнятная тень не опускается перед тобой на колени и не превращается в человека, невосприимчивого к любого рода предложениям.

— Это я, биолог.

Всего лишь биолог. Всего лишь твоё неуправляемое оружие, штурмующее стены Зоны Икс.

Она помогает тебе сесть поудобнее, подносит воду к губам, смывает кровь с лица, а ты заходишься в кашле.

— Где топограф? — спрашиваешь ты.

— Осталась в лагере, — отвечает она.

— Не захотела идти с тобой? — Я боюсь биолога, боюсь все разрастающегося огня, как, впрочем, и она. — Блуждающий огонек, медленно летящий над болотами и дюнами, вперед и вперед, уже не человек, а что-то другое, свободное и парящее... — Это гипнотическое внушение должно было успокоить ее, но произвело не больше эффекта, чем обычная колыбельная.

Беседа развивается бурно, ты начинаешь сбиваться и теряешь нить. Говоришь о том, что не имеешь в виду, пытаешься остаться в образе — в том, в котором биолог знает тебя, в той конструкции, которую ты для нее создала. Возможно, теперь не самое подходящее время волноваться по поводу ролей, но роль есть, и ты должна ее доиграть.

Она винит тебя, но винить ее ты никак не можешь, не получается.

— Если это и катастрофа, то без тебя не обошлось. Ты испугалась и опустила руки.

Неправда — ты никогда не сдаешься, — но почему-то киваешь в ответ, думаешь о множестве совершенных ошибок.

— И это тоже. Да. Да. Надо было сразу заметить, что ты меняешься. — И это правда. — Следовало вернуть тебя к границе. — А вот это неправда. — Не стоило спускаться в туннель с антропологом... — Тоже неправда, не совсем так. У тебя тогда просто не было выбора, ну, после того как она ускользнула из базового лагеря, вознамерившись доказать свою правоту.

Ты продолжаешь кашлять кровью, но вряд ли теперь это имеет значение.

— Что собой представляет граница? — Детский вопрос. Вопрос, на который невозможно ответить. Тут

кругом одна только граница. И в то же время никакой границы нет. Здесь можно идти милю за милей и не заблудиться. Нет, заблудиться просто невозможно, как бы ты ни старалась.

— Что собой представляет граница?

Расскажу, если дойду.

— Как на самом деле происходит переход?

Не так, как ты думаешь.

— Чего ты не рассказала нам о Зоне Икс?

Тебе бы все равно не помогло. Ни капельки.

Солнце превратилось в бледный расплывчатый нимб без центра, голос биолога время от времени пробивается к тебе, песок, зажатый в ладони правой руки, кажется одновременно холодным и горячим. Боль возвращается приступами, атакует через каждые две микросекунды, такая всеобъемлющая, что ты даже перестаешь ее ощущать.

И вот постепенно ты осознаешь, что утратила дар речи. Но ты все еще здесь, безмолвная и отрешенная, точно ребенок, который лежит на полотенце, на этом самом пляже, прикрыв глаза шляпой. Равномерный и неустанный шум прибоя и морской бриз навевают дремоту, солнечные лучи обволакивают теплом, оно растекается по всему телу, расходится по рукам и ногам. Ветер так слабо треплет волосы, что кажется, будто это и не волосы вовсе, это колышутся водоросли в воде, прямо под скалой в форме человеческой головы.

— Прости, но мне придется это сделать, — говорит тебе биолог, будто знает, что ты все-таки еще ее слышишь. — У меня нет другого выхода.

Ты чувствуешь, как тебе оттягивают и прокалывают кожу — неприятное, но мгновенное ощущение — это биолог берет пробу из инфицированной раны на плече. А затем, словно с непреодолимого расстояния, до тебя дотягиваются ее руки, начинают обшаривать карманы куртки. Она находит твой дневник. Она на-

ходит твой надежно спрятанный пистолет. Она находит твое жалкое письмо. Что она сделает со всеми этими предметами? Возможно, ничего. А может, выбросит письмо в море, пистолет отправится за ним. Возможно, она проведет остаток жизни за изучением твоего дневника.

Она продолжает говорить:

— Я не знаю, что тебе сказать. Я рассержена. Мне страшно. Ты привела нас сюда, и у тебя была возможность рассказать мне все, что ты знала, но ты этого не сделала. Не захотела. И я, конечно, могу сказать «покойся с миром», но не думаю, что ты заслужила этот покой.

А потом она ушла. И ты даже начала скучать по ней — не хватало под боком тепла человеческого тела, даже тех горьких и злых слов, которые она произнесла на прощание. Впрочем, скучала ты недолго, потому что нехотя продолжала таять и растворяться в пейзаже, точно призрак; и еще откуда-то издалека слабо доносилась нежная музыка, и некто нашептывавший тебе на ухо начал снова шептать, и затем ты растворилась в ветре. Точно некий двойник находился рядом, прирос к тебе, и его запросто можно было бы принять за атомы воздуха, не будь он столь сосредоточен, целеустремлен. Даже весел?..

Вознесясь над неподвижными озерами, пролетев над болотом с его мерцающими огоньками, которые отражались в морской воде, над берегом, освещенным лучами заходящего солнца... Ты вдруг разворачиваешься и направляешься в глубь материка, к кипарисам и черной воде. Затем снова резко взмываешь в небо, нацелившись на солнце, завертевшись, закружившись, перейдя в свободное падение, извернувшись, чтобы бросить взгляд на вздыбившуюся навстречу земле, простирающуюся между вспышками света и медленно катящимися волнами камышовых зарослей.

Ты почти надеешься увидеть там Лаури, раненого, но выжившего в той давней первой экспедиции, несчастного Лаури, ползущего к спасительной границе. Но вместо этого видишь биолога, трусящую по темнеющей тропинке... а позади у нее за спиной притаился и ждет, скуля от боли, преобразившийся психолог из какой-то экспедиции, кажется, до двенадцатой. И в том твоя вина, как и любого другого, и поправить уже ничего нельзя. И нет тебе прощения.

А потом снова резкий разворот, быстро приближающийся маяк. По обе стороны от него дрожит воздух, а потом обретает разные очертания, то взвизгивает вопросительным знаком, то стелется ровно и низко, поднимается высоко лишь затем, чтоб опуститься к самой земле. И вот он окончательно изгибается вопросительным знаком — словно для того, чтоб ты стала свидетелем собственного жертвоприношения; и эти очертания висят там, источая свечение. Что за грустный знак препинания — зеленое пламя, сигнал бедствия, знак упущенной возможности. Ты все еще паришь в воздухе? Умираешь или уже умерла? Сложно сказать.

Но шепот никуда не делся. Не отстал от тебя.

Так что ты еще не внизу.

Ты здесь, наверху.

И допрос продолжается.

И будет продолжаться до тех пор, пока ты не дашь ответы на все вопросы.

Часть I

ПУТЕВОДНЫЙ ОГОНЬ

0001: СМОТРИТЕЛЬ МАЯКА

Проверил механизмы линз, прочистил и протер сами линзы. Починил шланг для поливки в саду. Подправил ворота. Сложил все инструменты, лопаты и прочее в сарай. Визит БП&П. Заказать краску для дневной разметки — черная краска со стороны моря облупилась. Также заказать гвозди и еще раз проверить сирену с восточной стороны. Замечены: пеликаны, шотландские куропатки, какая-то разновидность камышевки, множество черных дроздов, песчанки, королевская крачка, скопа, американские дятлы, бакланы, ласточки, карликовая гремучая змея (у изгороди — не забыть!), пара кроликов, олень с белым хвостом, и на рассвете, прямо на дороге, — множество броненосцев.

Тем зимним утром холодный ветер так и норовил пробраться под воротник куртки Саула Эванса, пока он шагал по тропинке к маяку. Накануне ночью разразился шторм, и ниже и слева от него серел океан, катил валы под тускло-голубым небом, а заросли тростника раскачивались и шелестели. На берег выбросило обломки дерева, бутылки, потускневшие белые буи и тушу мертвой рыбы-молот, опутанные водорослями, но никаких серьезных разрушений ни здесь, ни в деревне шторм не причинил.

У ног его стелились ветки ежевики, по обе стороны от тропы тянулись густые сероватые заросли чертополоха, который зацветет пурпурными цветами весной и летом. А справа под жалобные крики поганок и малых гоголей чернели пруды. Черные дрозды, примостившиеся на тонких низких ветках деревьев, в страхе взлетели при его приближении, а потом всей дружной крикливой компанией снова заняли насиженные места. В воздухе свежо и остро пахло солью, примешивался и легкий запах гари — им тянуло то ли от ближайшего дома, то ли от плохо затушенного костра.

До встречи с Чарли Саул жил на маяке вот уже лет пять, и продолжал жить там же, но вчера вечером остался ночевать в деревне, примерно в миле отсюда, в коттедже Чарли. Это было нечто новенькое и никак не обговаривалось, но когда Саул собрался одеваться и уходить, Чарли подтолкнул его к постели. Такое проявление радушия вызвало робкую полуулыбку на губах у Саула.

Чарли даже не шелохнулся, когда Саул поднялся с постели, оделся, сделал яичницу на завтрак. Оставил щедрую порцию для Чарли на сковородке под крышкой вместе с долькой апельсина и куском хлеба в тостере, рядом приложил коротенькую записку. Уже у двери он обернулся и посмотрел на человека, который лежал на спине, полуприкрытый сползшим одеялом. Чарли было под сорок, но он был строен, с мускулистым торсом и широкими плечами, крепкими ногами мужчины, который провел добрую половину сознательной жизни в лодках, забрасывая и вытягивая сети. И живот у него был плоский — сразу ясно, что этот человек не проводит все вечера за выпивкой.

Дверь захлопнулась с тихим щелчком. Отойдя от дома на несколько шагов, Саул начал насвистывать, как дурачок, благодаря бога, который в конечном счете сделал его счастливым, пусть даже таким непред-

сказуемым образом. Некоторые вещи доходят до тебя с запозданием, но, как известно, лучше поздно, чем никогда.

Вскоре перед ним уже высился маяк. Он служил дневным ориентиром для лодок и кораблей, чтобы те могли выбирать правильное направление на мелководье, но и ночью добрую половину недели светил — в полном соответствии с расписанием движения торговых судов, проплывавших поодаль, в открытом море. Саул знал в нем каждую ступеньку, каждый закуток внутри, за этими стенами из камня и кирпича, каждую трещинку и пятнышко. Грандиозные четырехсторонние прожекторы в башне наверху, или, собственно, сам маяк, тоже были по-своему уникальны, и он знал сотни способов верно направить их лучи. Состояли они из тысяч зеркальных поверхностей, собранных в форме овала, и напоминали дверь из голубоватого стекла или неестественно удлинённый зрачок всевидящего ока. Стояли они на маяке со дня основания, и было им уже больше ста лет.

Будучи священником, он считал, что познал мир и покой, нашел свое призвание, но после этой добровольной ссылки изменил свое мнение и понял, что поистине обрел то, что искал всю жизнь. Понадобилось больше года, чтобы понять почему. Священники как бы *выставляются* перед миром, навязывают ему себя, и этот мир тоже сильно на них влияет. Но стать смотрителем маяка — это верный способ заглянуть в себя, приструнить гордыню. Оказавшись здесь, он занимался лишь чисто практической деятельностью, которой научился у своего предшественника. Теперь он знал, как содержать линзы в порядке, как работает вентилятор и панель доступа к прожекторам, как поддерживать порядок и чистоту этого сооружения, как починить все, что вдруг вышло из строя, — словом, мог переделать за день тысячу дел. И ему нравилась вся эта